

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

Евгения Дикова

Евгения Дикова

Вторая жизнь

«Издательские решения»

Дикова Е. Е.

Вторая жизнь / Е. Е. Дикова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508421-7

Непроходящая боль от потери любимого человека. Вынужденные переезды и интересные экскурсионные поездки. Попытка вновь научиться радоваться жизни, когда боль потерь черной пеленой отгораживает от мира. Множество вопросов, на которые предстоит найти ответ.

ISBN 978-5-00-508421-7

© Дикова Е. Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Потери и перемены	6
Глава 2. Начало новой жизни	10
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вторая жизнь

Евгения Евгеньевна Дикова

© Евгения Евгеньевна Дикова, 2019

ISBN 978-5-0050-8421-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

Глава 1. Потери и перемены

Лиля вышла на улицу с гудящей от духоты головой, слезами на глазах и трясущимися руками. «И зачем я вообще пошла в церковь?» – мысленно корила она себя, спускаясь по ступеням. Ближе к мужу ей оказаться не удалось ни на миг, обрести душевное спокойствие тоже, а вот послушаться пришлось такого, будто не в храме оказалась она, а на рынке в базарный день. Местные старушки, включая служительниц церкви, казалось, только и искали повода, чтобы осудить ее за все – не так стоит, не в то одета, да еще и смеет вопросы задавать о том, куда свечку поставить и как поминовение заказать. Создавалось ощущение, что именно здесь, в месте, где люди просто должны излучать смирение и любовь к ближнему, наперекор всему собрались высокомерные, обладающие наибольшей гордыней люди.

На душе было тяжело, впрочем, как и весь последний год, а сегодня особенно. Сегодня была годовщина гибели ее мужа, которого ей безумно не хватало все это время и к которому она не может сейчас даже прийти на могилу, слишком далеко эта могила находится.

Лиля посмотрела на часы – четверть четвертого, времени до ужина, который приготовила еще утром, вполне достаточно, сын с бабушкой после обеда отправились в музей истории трамвая и троллейбуса, а у самой Лили сегодня был выходной. Спешить было некуда, и она, оставив позади Кремль, не остановившись ни на минуту, как это было обычно, почти пробежала, также не замечая ничего вокруг, по Рождественской и вышла наконец на Нижневолжскую набережную. Здесь, у воды, ей обычно становилось если не легче, то, по крайней мере, немного спокойнее, а спокойствие ей ой как необходимо. Сын подрос, многое уже замечает, понимает, чувствует, и все ее перепады настроения, и тем более слезы, отражаются на ребенке. Присев на лавочку рядом с небольшим кустиком шиповника (почему-то именно она была ее любимая), Лиля, глядя в небо, мысленно перебирала события последнего года, словно пытаясь рассказать мужу о том, что происходило с ними за это время. Триста шестьдесят пять дней без него. Триста шестьдесят пять дней беспросветной тоски, где единственным лучиком света, не дававшим ей окончательно погрузиться в беспросветную темноту отчаяния, был Костик, ее сын, их с Николаем сын. Именно ради него она готова, стиснув зубы, жить дальше, улыбаться, глядя в его не по-детски серьезные серые глаза, такие же, как и у его отца.

В памяти Лили вновь, в который раз, возникла картина из ее счастливого и безмятежного прошлого. Она с только что принесенным к ней в послеродовую палату сыном Костином на руках разговаривает по мобильному телефону с мужем. Муж с полубезумным от счастья видом прыгает, пытаясь разглядеть младенца, будто можно что-то увидеть через окно второго этажа. Потом выписка, на которую муж притаскивает весьма специфического вида игрушечного кота.

– Почему именно кот? – смеясь, удивляется Лиля.

– Не знаю, – улыбаясь, пожимает плечами Николай, – наверное, потому что сын – Костик.

Лиля удивленно смотрит на него, а Николай поясняет:

– Костик-котик, похоже.

– Признайся, ты это только что придумал! – снова смеется счастливая Лиля, и муж кивает, добавив, что этот котяра просто каким-то необъяснимым образом ему так понравился, что он просто не мог уйти из магазина, куда ходил покупать конверт для выписки, не купив этого зверя. Этот кот впоследствии стал любимым и у Костика, они везли его с собой как талисман и память об отце и муже, с легкостью заменив в чемодане часть нужных вещей на эту дорогую сердцу игрушку, а Костик до сих пор спит с Барсиком – так когда-то нарек этого кота Николай.

Лиля смотрела на рябь, прошедшую по воде от проплывшего мимо катера, и снова уплывала на волнах воспоминаний. Вот Костику года полтора, отец и сын дома с упоением строят

из кубиков гараж для машинок, а потом Николай расставляет вдоль выложенных из старых обоев дорог какие-то дорожные знаки – не поленился же вырезать их из правил дорожного движения, наклеить на картон да на шпажках прикрепить к крышкам от пластиковых бутылок, чтоб стояли.

– Ему ж еще рано! – смеется Лиля.

– Ничего, пусть с детства правила учит! – улыбается в ответ Николай и, обращаясь к сыну, говорит: – Покажи, где у нас пешеходный переход.

И Костик свои маленькие ручки уверенно тянет в сторону названного знака. А к двум с половиной годам сын, к Лилиному удивлению, уже знает почти три десятка различных марок машин, узнает их на улицах и картинках, а иногда, поражая маму, указывает на нарушителей ПДД, отмечая то один автомобиль, проехавший на красный свет, то другой, пересекший сплошную линию.

Вообще, Николай был замечательным отцом, и Лиле порой не верилось самой, что так бывает: он читал сыну сказки на ночь и учил с ним буквы, гулял и учил кататься на трехколесном велосипеде, рассказывал обо всем, что знал сам, словно предчувствуя что-то и пытаясь за тот короткий период, что ему дано провести на земле вместе с сыном, дать ему максимум того, что в его силах.

А потом случился майдан. И Николай присоединился к ополчению, вопреки всем уговорам и слезам со стороны жены, в сотый раз успокаивая и объясняя, что сейчас нельзя оставаться в стороне, что сейчас у них появился шанс сделать свою страну нормальным правовым государством, что он должен бороться за будущее их сына, ведь если, вот так испугавшись, откажутся от борьбы все, то ничего хорошего в их жизни уже не будет.

Вот только в жизни Николая хорошего уже не будет ничего и никогда, потому что Николая больше нет, а в ее, Лилиной, жизни остался Костик, сын, благодаря которому она нашла в себе силы справиться, хотя бы внешне, со своим горем, вновь научилась радоваться простым вещам – хорошей погоде, красивому пейзажу, ароматному чаю, улыбкам случайных прохожих и многому другому. Всем этим Лиля старалась поделиться со своим сыном, которому сейчас тоже, первый год после гибели отца, было тяжело.

Неподалеку вскрикнула чайка, и Лиля, отчего-то испугавшаяся этого крика, мысленно снова перенеслась почти на два года назад. Первые два месяца после похорон были окутаны в Лилиных воспоминаниях пеленой тумана, Лиля, несмотря на непроходящую, острую и с каждым днем не уменьшающуюся, а наоборот, становящуюся лишь сильнее боль потери, старалась поддержать свою свекровь Любовь Георгиевну, и та, сама рано овдовевшая, превозмогая свою боль, пыталась поддержать невестку, и обе всеми силами старались отвлечь Костика, который в свои четыре с небольшим года все понимал и выглядел порой грустным маленьким старичком. Он не спрашивал, как многие дети, не понимающие непоправимости смерти, почему папы нет или когда он вернется, только постоянно хватался за маму, не отпуская даже в душ и отказываясь спать один. А потом была очередная перестрелка, результатом которой были разрушенные дома на их улице и повреждение коммуникаций, идущих к их дому. Это стало последней каплей. Лиля понимала, что надо что-то делать, куда-то уезжать, родители звали ее к себе, но оставить весьма сильно сдавшую после смерти сына свекровь в становящихся невыносимыми условиях было невозможно, сваливаться на голову родителей втроем в их крохотную двушку, где они жили с двумя Лилиными братьями-школьниками, тоже было, по мнению Лили, неправильно. Все решил телефонный звонок: звонила жена Лилиного двоюродного брата, живущего в Нижнем Новгороде, с которой Лиля дружила и даже на расстоянии старалась поддерживать отношения. Узнав о Лилиных злоключениях, Вика тут же заявила:

– Собирай вещи и приезжай к нам.

– Но... – попыталась возразить Лиля.

– Никаких «но», – тут же перебила ее как всегда энергичная Вика. – Твои возражения я уже раньше слышала; во-первых, с ребенком в таких условиях жить все равно нельзя, а во-вторых, ты нам не только не помешаешь, но еще и очень выручишь.

И Вика рассказала, что они с мужем открывают свою минигостиницу, сотрудников нанимать пока нет денег, поэтому планируют все делать сами, вот только очередь на детский сад для Алины – дочки Вики и Ильи – еще не подошла, да и боится Вика, что с детским садом начнутся неизбежные болезни и работать будет невозможно.

– Викусь, – со смущением в голосе проговорила Лиля, – я же не могу оставить Любовь Георгиевну, она только недавно потеряла сына, поэтому сейчас разлучить ее с внуком, да еще и оставив в столь чудовищных условиях...

Не успела Лиля договорить, как Вика снова перебила ее.

– Так еще лучше! – воскликнула она. – Приезжайте вместе. Любовь Георгиевна посидит с Костиком и с Алинкой – ты же сама рассказывала, что бабушка она мировая, у вас частенько друзья Костика в гостях бывают, а она всегда прекрасно с ними справляется. Любовь Георгиевна за заботами отвлечётся от потери, а ты сможешь помочь нам в гостинице. Конечно, первое время зарплату мы сможем платить тебе минимальную, сама понимаешь, но на жилье и питание тратить не придется.

Лиля молчала, не зная, что ответить, и Вика умоляюще попросила:

– Лиль, ну пожалуйста! Кроме тебя, нам реально некому помочь, Илья все средства сейчас вбухал в этот бизнес, все продал. Ведь чем он только не занимался: и одежду продавал, и электронику, и кафе у нас было, но у него всегда идея-фикс была именно своя гостиница. Выручай! – в голосе Вики снова послышались умоляющие нотки.

Лиля, которой на принятие решений всегда требовалось много времени, пообещала подумать.

– Хорошо, думай! Только быстрее, – отозвалась Вика, – я уже пошла готовить вам комнату.

В этом была вся Вика, умеющая мгновенно принимать решения и подстраиваться под любую ситуацию. Впрочем, Илья – Лилин двоюродный брат и муж Вики – был таким же. Может, поэтому они до сих пор не просто вместе, но и счастливы, несмотря на взлеты и падения в бизнесе и все прочие проблемы, встречающиеся на их жизненном пути.

Вечером Лиля, уложив Костика, отправилась на кухню, где в последнее время за чашечкой травяного чая коротала вечера страдающая от бессонницы свекровь. Лиля тоже налила себе чая, осторожно присела на краешек стула, обхватила обеими руками чашку, мысленно в который уже раз за день пытаясь подобрать слова, чтобы убедить Любовь Георгиевну уехать. Слова не удавалось подобрать еще и потому, что Лиля и сама не знала, правильно ли – убеждать Любовь Георгиевну уехать, оставив свой дом, подруг и родственников, оставив могилу единственного сына. Но она также знала, что ради Костика уезжать нужно. Наконец свекровь подняла нее вопрошающий взгляд, и Лиля рассказала о телефонном разговоре с женой двоюродного брата и возможности уехать. Рассказав, она не стала убеждать, но теперь уже сама посмотрела на свекровь вопрошающе и даже с некоторой опаской, она ждала чего угодно: критики, обвинений, слез, но Любовь Георгиевна горячо поддержала эту идею:

– Конечно, дочка, Вика права, отсюда надо уезжать! Что здесь будет с медициной и образованием, неизвестно, работу практически не найти, да и с безопасностью... – Любовь Георгиевна только махнула рукой.

В последующие дни, охваченная хлопотами, связанными со сборами, Любовь Георгиевна ожила, и Лиля видела торопливо снующую по всему дому хлопотунью, в глазах которой лишь изредка мелькала нестерпимая боль потери. С самым домом тоже все решилось наилучшим образом: за ним согласилась присмотреть дочь ее подруги, потерявшая не так давно свое жилье и теперь с семьей ютившаяся у своей матери в однокомнатной квартире.

Заканчивая сборы, Лиля еще раз окинула взглядом вещи. Много придется оставить. Посуда, одежда, книги... Решено было взять с собой только самое необходимое из одежды и личных вещей и самое памятное – подарки Николая, фотоальбомы, несколько памятных вещиц из молодости свекрови. Лиля последний раз открыла шкаф с одеждой. Как много всего! Лиля любила красиво одеваться – и, умея шить и вязать, частенько пополняла свой гардероб. Но сейчас почему-то не жалко было ничего. В сравнении с болью от потери мужа потеря каких-то тряпок казалась не просто ничтожной, а даже смешной.

Глава 2. Начало новой жизни

В Нижнем жизнь закрутилась в бешеном темпе. Для Лили, за время вынужденного сидения дома отвыкшей от такой жизни, это было непривычно, но, по крайней мере, хотя бы немного притупляло боль утраты. Она сразу же включилась в работу в гостинице, помогая Вике и Илье доделывать ремонт и наводить в ней последний лоск перед открытием, которое должно было состояться уже через три месяца. С одеждой для сына на ближайшую осень и зиму тоже все решилось наилучшим образом: Лилина мама, до сих пор хранившая многие вещи Лилиных младших братьев, привезла целый мешок вещей. Большая часть одежды была, конечно, довольно старой и поношенной, но Лиля, вооружившись нитками, иголкой, небольшим количеством аппликаций и машинкой для стрижки катышков, приобретенными в магазине для шитья неподалеку, за пару недель вечерами привела вещи в порядок. Денег у Лили было немного, большая часть того, что они с Николаем копили на его давнюю мечту – автомобиль, хотя бы подержанный, было истрачено на похороны, а потому Лиля радовалась каждой вещи, которую для нее, ее сына или свекрови отдавали Лилина мама или мама Вики. Но той радости от обновок, которая охватывала ее прежде, уже не было, и это было не только из-за того, что некуда и не для кого было одевать, но и из-за появившихся в связи с переездом мыслей, что так много всего ей просто не нужно. Поэтому, когда Вика, разбирая свой гардероб, принесла Лиле платье, которое перестало подходить ей по размеру после рождения дочери, Лиля предложила переделать его не для себя, а для самой Вики. Тем более что переделывать было несложно: после родов Вика не поправилась, а, наоборот, заметно похудела. Платье было готово меньше чем за два вечера, а еще за пару вечеров Лиля, решив сделать сюрприз, сшила очень похожее платье для Алинки, заслужив бурные восторги и мамы, и дочки. Правда, для этого пришлось еще раз залезть в неприкосновенный запас, чтобы купить похожую ткань для детского платьица, но сейчас, глядя на восторг в глазах девочки и радость в глазах ее мамы, Лиля понимала, что сделано это было не зря.

Через несколько дней Лиля и Любовь Георгиевна вечером, уложив Костика, сидели за очередным рукоделием – Лиля перешивала платье, подаренное Алинке любящей, но не угадавшей размер бабушкой, а Любовь Георгиевна вязала очередные носочки из пряжи, которую вместе с вещами отдала Лилина мама. Вика присела на кресло и некоторое время восхищенно смотрела за работающей Лилей, потом, когда Лиля окончила очередной шов, немного смущенно произнесла:

– Лиль, помнишь, я тебе рассказывала про свою подругу Ксюшу?

– Про ту, к которой в гости вы с Алинкой ходили на днях? – уточнила Лиля, вдевая нитку в иголку.

– Про нее, – отозвалась Вика. И уже увереннее продолжила:

– У нее есть двое детей, девочки, погодки. Младшая в этом году в школу идет, но вот совпало, что ее муж потерял работу и у нее на работе зарплату уменьшили. Ребенка в школу одевать надо. Есть вещи, оставшиеся от старшей дочки, и почти все в хорошем состоянии, вот только беда: старшая – девочка крупная, с широкой костью и рослая, в папу, а младшая – тоненькая и невысокая, в маму. В общем, что я хожу вокруг да около, – спохватилась Вика, внезапно прервав рассказ. – Ты могла бы попробовать подогнать вещи под младшую? Не бесплатно, конечно, – торопливо добавила она. – Много, конечно, заплатить Ксюшка не сможет...

– Конечно попробую, сделаю все, что в моих силах, – тут же откликнулась Вика, – и не надо никаких денег.

– Деньги как раз надо, – возразила Вика, – иначе Ксюшка в следующий раз к тебе обратиться не сможет, да и тебе эти деньги лишними точно не будут.

Лиля согласилась, и уже на следующий вечер к ним домой пришла Викина подруга со своей младшей дочкой и двумя огромными пакетами вещей.

– Я понимаю, что здесь много всего, – принялась оправдываться Ксюша после того, как все напились чая с пирожками и вишневым вареньем, которые были ею принесены, – просто я совсем не разбираюсь в шитье и поэтому не знаю, что можно попробовать перешить.

– Чем больше вещей, тем больше возможностей выбора для переделки, – отмахнулась Лиля, и началась работа по снятию мерок, примерке вещей и продумыванию того, как все это будет выглядеть на раскрасневшейся и довольной в предвкушении обновок Ксюшиной дочке Юльке.

Спустя полтора часа активных примерок и подгона по фигуре при помощи английских булавок прямо на нетерпеливо вертящейся Юльке был разобран, да и то не полностью, только один пакет.

– Все. Объявляю перерыв. До субботы, – заявила, улыбаясь, Лиля, падая в изнеможении в кресло, – к субботе постараюсь большую часть перешить, Юля примерит, и, если качество устроит, возьмусь за оставшееся.

Вскоре гости ушли, и Лиля, почитав Костику и Алинке сказку и уложив их спать, не желая терять времени, принялась за работу. Любовь Георгиевна тоже еще сидела за вязаньем и ложиться вроде бы не собиралась; значит, решила Лиля, можно будет и на машинке что-то прострочить, а не только наметать. Комната Лили, Любви Георгиевны и, как планировалось вначале, Костика находилась в противоположном от детской и спальни Вики и Ильи конце квартиры, рядом с гостиной, а сама квартира была хоть и небольшой, но четырехкомнатной. Но Костика неожиданно для всех пришлось укладывать спать в детской Алинки. В день приезда девочка не хотела отпускать от себя обретенного троюродного брата, и Вика предложила постелить Костику на диване в комнате своей дочери. Лиля попыталась было возражать, ей и так было неловко стеснять своим присутствием родственников, но усталость после дороги, рев Алинки, и присоединившегося к ней через некоторое время Костика сделали свое дело, и она махнула рукой. Через несколько дней Лиля попыталась поговорить с Викой о том, что надо бы переселять Костика в их с Любовью Георгиевной комнату, но неожиданно Вика взмолилась, объяснив, что дочка плохо спала одна, Вике частенько приходилось оставаться на ночь в детской или, уходя, когда Алинка заснет, включать радионяню и прибегать на каждый шорох, грозящий перерасти в истерику, если мамы не было рядом. В последние же дни Викина дочь хорошо спит, не просыпаясь посреди ночи, и Вика с Ильей наконец-то стали спокойно спать по ночам.

Лиля наметала швы на сарафане, достала из шкафа швейную машинку. Что бы она без нее делала! Руками столько не сошьешь. Машинку отдала Лиле Викина мама, узнав, что Вика перешивает ручную одежду для своего сына. Лиля попыталась было отказаться, но Светлана Сергеевна четко и безапелляционно объяснила, что сама она не шьет и никогда не шила, а машинка лежит дома еще с тех времен, когда Вика училась в школе и что-то шила на уроках труда, и поэтому Лиля только сделает ей одолжение, если заберет ее. «Вот в кого, значит, Вика характером», – подумалось тогда Лиле: такая же энергичная и безапелляционная и так же, как и ее дочь, умеющая не только не унижить помощью, но еще и представить помощь как одолжение, сделанное для нее. Еще некоторое время Лиля напряженно работала, стараясь успеть за остаток вечера как можно больше, но эта напряженная работа была ей абсолютно не в тягость, наоборот, она получала от нее огромное удовольствие. Ей всегда доставляло огромное удовольствие шить, особенно одежду для девочек и женщин, для себя она лет с двенадцати шила многое из одежды сама, а уж как были обшиты все Лилины куклы! Правда, в этом в большей степени была заслуга Лилиной мамы, которая была швеей от Бога, помимо основной работы в ателье обшивающей, подчас за символическую плату, друзей и знакомых. Впрочем, Лиля, которой впервые разрешено было взять иголку в руки лет в пять, годам к семи-

восьми уже довольно неплохо обшивала пупсиков и даже мастерила простенькие наряды для своих Барби. В безденежные студенческие годы Лиля покупала вещи в секонд-хендах в дни максимальных скидок, а затем подгоняла их по своей фигуре. Шить с нуля было и дороже – хорошие ткани стоят недешево, и очень уж затратно по времени, ведь шить приходилось вручную: на студенческую стипендию и редкие подработки купить швейную машинку было нереально. Студенческие годы... Снова Лилины воспоминания против ее воли перенесли ее в тот счастливый временной отрезок, о котором она в последнее время старалась не вспоминать. Не вспоминать, потому что именно тогда она познакомилась с Николаем, а после таких вот воспоминаний каждый раз становилось еще больнее. Но и не вспоминать не было сил, ведь только в воспоминаниях она могла теперь быть рядом с мужем. И сейчас снова, против своей воли, она оказалась в Москве на территории ВДНХ, где она любила гулять по вечерам.

Лилия с детства мечтала учиться не в ближайшем к ним областном центре – Ярославле, а в Москве, ей почему-то казалось, что только здесь она сумеет получить достойное образование, благодаря которому сможет не только реализовать себя, но и помочь своим родителям и младшим братьям. Начиная уже с девятого класса Лилия упорно шла к своей мечте, все вечера проводя за учебниками, задачками и всевозможными учебными пособиями, которые удавалось найти в школьной библиотеке или недорого купить с рук. Родители, опасаясь, что дочь испортит себе здоровье столь упорными занятиями, пытались отговаривать ее, советуя поступать в вуз в Ярославле или в колледж в родном городе. Когда все аргументы, касающиеся сложности поступления и здоровья, были исчерпаны, отец сказал, что они попросту не смогут содержать ее в Москве. «Сама справлюсь», – буркнула стоящая на своем Лилия, и разговор на время был отложен. Будучи реалисткой, Лилия, конечно, понимала, что родители действительно не смогут помочь ей, ведь даже привозить выращенную на даче картошку или домашние соленья-варенья в Москву было нереально – цена на билеты была слишком велика для бюджета их семьи, в которой было еще два малыша – Лилиных брата. Братья были еще совсем маленькие: старший, Мишка, был младше Лили на тринадцать лет, а младший, Илья, – на четырнадцать. Отказываться же от своей, появившейся еще в детстве мечты Лилия тоже не собиралась, и тогда она решила, что на возможность обучаться в Москве нужно заработать самой; точнее, решила она, нужно заработать хотя бы на первые полгода, а потом, освоившись в вузе, можно будет подрабатывать уже в Москве. С тем же упорством, с которым Лилия штудировала учебники, она начала искать возможности заработать деньги, хватаясь за любую работу, за последние два класса успев поработать промоутером и расклейщиком объявлений, разносила по почтовым ящикам рекламные газеты и занималась высаживанием цветов в скверах в летнее время, забирала с продленки детей соседки, которая работала до восьми, и выгуливала собаку другой соседки, когда та уезжала в командировку. Все это не приносило больших денег, но тем не менее за два года накопилась сумма, которой, по Лилиным подсчетам, было достаточно, чтобы, живя в общежитии, прожить в Москве по крайней мере полгода. Когда же за несколько месяцев до окончания школы родители спросили, что ей подарить на выпускной, Лилия ответила, что дарить ничего не надо, потому что на выпускной она не пойдет. «Но почему? – удивилась мама. – Платье я тебе сошью сама, а остальные расходы нам вполне по карману». Лилия только отрицательно покачала головой. «Подумай хорошенько, – увещевал ее отец, – выпускной бывает раз в жизни, неужели тебе не хочется надеть красивое платье, еще раз встретиться с одноклассниками?» «Нет», – просто ответила Лилия. Говоря о том, что остальные расходы, связанные с выпускным, семье по карману, мама слегка лукавила: денег в семье не хватало, подрастали Лилины братья – Мишка, которому месяц назад исполнилось пять лет, и Илья, которому вот-вот исполнится четыре. Одежда и обувь на них, как, наверное, на всех мальчишках их возраста, буквально горела, у машинок отваливались колеса, а к конструкторам хотелось новых деталей. «Пусть уж лучше мальчишкам на игрушки потратят», – подумала Лилия, детство которой пришлось на начало девяностых, когда с деньгами в их семье, как

и во всей стране, было не просто плохо, а очень плохо. Всегда спасало то, что мама шьет, обшивая не только свою семью, но и знакомых, да еще и кормилица-дача помогала пережить особо трудные времена. Нет, несмотря на все финансовые и прочие сложности девяностых, Лилино детство было счастливым, у нее не было большого количества игрушек, но это с лихвой компенсировалось вниманием родителей, старающихся проводить как можно больше свободного времени с дочерью – гуляя летом по лесу или катаясь зимой на лыжах, играя в настольные игры или мастера игрушки собственными руками. Впрочем, недостатка в игрушках Лиля не чувствовала, было у нее и несколько пресловутых Барби, точнее, как она сейчас понимала, подделок под них, которых родители дарили на праздники, экономя на многом, были и пупсики, и другие куклы, была куча одежды, сшитой вначале мамой, а потом и самой Лилей. Лилин отец мастерил для кукол из фанеры кровати и диванчики, Лиля с маминой помощью шила постельное белье и диванные чехлы. Детство было по-настоящему счастливым, и Лиля хотела столь же счастливого детства и для своих братишек, но хотела при этом, чтобы родителям не приходилось брать бесчисленные подработки, потому и отказывалась от праздника. Хотя, наверное, не только поэтому... В глубине души Лиля понимала, что, отказываясь от сопутствующих выпускному финансовым тратам, она тем самым пытается компенсировать то, что частенько вместо того, чтобы остаться дома и посидеть с братьями, она бежала в школьную или городскую библиотеку, чтобы спокойно позаниматься в тишине, а вместо того, чтобы погулять с Мишкой или Ильей во дворе, выгуливала соседскую собаку, чтобы заработать денег. Да еще ее предстоящая учеба в Москве (Лиля почему-то была уверена, что поступит) тоже подливала масла в огонь, иногда заставляя усомниться в правильности принятого решения. Конечно, родителям было бы гораздо спокойнее, если бы Лиля училась поближе к дому, она могла бы даже приезжать домой на выходные, родители могли бы материально, пусть не деньгами, а хотя бы теми же соленьями-вареньями помогать Лиле, а Лиля в свою очередь могла бы помогать родителям с братьями или на даче. Но именно в этом-то и была загвоздка. Лиля не хотела приезжать домой на выходные! Она хотела учиться! А дома разве дадут два маленьких, постоянно бегающих и кричащих чертенка заниматься? Ведь именно поэтому Лиля пропадала все старшие классы в библиотеках. Но девушка успокаивала себя тем, что, обучаясь в Москве, она постарается приложить все силы, чтобы найти потом хорошую работу – и уже тогда помочь родителям и братьям, по крайней мере, материально.

Уверенность в том, что она поступит, действительно была небезосновательной: три года упорного труда дали свое, и средний балл по результатам ЕГЭ был больше девяноста. На выбранную специальность Лиля прошла довольно легко, даже общежитие, на получение которого тоже был конкурс, было получено без проблем. Общежитие было вполне приличное, Лиле сразу очень понравилось, что общежитие было не коридорного, а так называемого блочного типа, блок состоял всего из двух комнат, на два (место в которой досталось Лиле) и три человека, с собственным туалетом и раковиной. Душевые были, правда, только на первом этаже, но зато кухонь на каждом этаже было целых две, что не могло не радовать Лилю, не имеющую финансовых возможностей питаться в студенческой столовой и планирующую готовить самостоятельно. Все соседки, оказавшиеся, как и Лиля, первокурсницами, были из разных городов. Лилина соседка по комнате – бойкая, временами шумная и очень прямолинейная Варенька – была из города Венёва Тульской области, тихая и молчаливая Лиза – из Смоленска, одноклассница Лили – хохотушка Катя – из Ангарска Иркутской области, а спортивная Женька – из Твери.

Первая учебная неделя пролетела незаметно, тем более что она была совсем короткой: первое сентября пришлось в этом году на четверг. В воскресенье девушки, сделав уборку в комнатах и создав некое подобие уюта при помощи привезенных из дома вещей, собрались все вместе в большей комнате, вскипятив в двух кастрюльках воду для чая (чайника пока не было ни у одной из них). Зато каждая привезла из дома варенье и какие-то местные сладости. Немного

уставшие от уборки и переполненные эмоциями от первых учебных дней, девушки поначалу тихо пили чай, перебрасываясь лишь незначительными фразами. Быка за рога взяла наиболее активная Варенька. Почему-то, не сговариваясь, именно так все девушки стали называть Варвару, высокую, статную, с косой до пояса и, как сказали бы раньше, «кровь с молоком» девицу. Поставив с грохотом чашку с недопитым чаем на стол, уперев руки в бока и по очереди посмотрев на своих соседок, она заявила:

– Ну что, давайте решать, как дальше жить будем!

Все недоуменно уставились на нее, не понимая, к чему она клонит. Варвара рассмеялась:

– Вы так и собираетесь все четыре года каждый день стоять у плиты? – и Варенька снова обвела всех взглядом.

Девушки недоуменно переглянулись.

– А какие еще варианты? – грустно и как-то робко проговорила, пожимая плечами, Лиза.

– На рестораны пока не заработали, – усмехнулась Катя.

Варенька нисколько не смутилась и предложила свой вариант решения проблемы с ежедневно готовкой – готовить по очереди на всех. Предложение это понравилось всем, и девушки зашумели, дружно начав обсуждать график дежурств, возможный бюджет. После долгих дебатов решили готовить сразу на два дня, причем по очереди, либо первое, либо второе, что позволило бы готовить каждой только раз в десять дней. Сразу же возник первый вопрос – в чем готовить, так как девушки все как одна приехали в Москву лишь с крохотными кастрюльками, да у Варвары была еще небольшая плоская сковорода; и затем – второй: где все это хранить, чтоб не испортилось. Снова дело в свои руки взяла Варенька, которая, казалось, предусмотрела все на свете. На несколько секунд убежав в свою комнату, она вернулась с газетой бесплатных объявлений.

– Вот! – продемонстрировала она.

– Что «вот»? – переспросила Лиля.

Остальные также ждали пояснений.

Какие вы непонятливые! – в сердцах воскликнула Варенька. – Это же газета, где люди бесплатно размещают свои объявления, если хотят что-то продать. Наверняка здесь можно найти холодильник по вполне приемлемой цене, и если мы в первый месяц немного уждемся в расходах на еду, то вполне сможем купить.

Уже на третьем объявлении им повезло: пожилая женщина продавала холодильник по смешной даже для них цене, правда, холодильник этот был почти вдвое старше самих девушек. «Да вы не волнуйтесь, – заверила хозяйка, холодильник в отличном рабочем состоянии, – и пояснила: – он у меня недавно сломался, я вызвала мастера, оказалось, что мотор сгорел, в общем, мотор сменили, а заодно еще и уплотнитель на двери поменяли. Думала я, теперь холодильник мне до самой смерти послужит, а тут приезжает на следующий день моя внучка – и новый холодильник привозит. Вот теперь старый приходится продавать».

Меньше чем за три часа они успели провести операцию «Холодильник» – и потом долго еще вспоминали, как собственными силами выносили холодильник из подъезда, как ловили частника, как никто не хотел везти их вместе с холодильником, и только они уже почти отчаялись и даже начали подумывать о том, чтобы вызвать грузовое такси, что окончательно пробило бы брешь в их и без того скудном бюджете, как перед ними остановилась старенькая «четверка», пожилого водителя которой девушки все-таки уговорили довести их холодильник. После подъема холодильника на их этаж девушки валились с ног, но Варвара, не дав расслабиться, начала раздавать указания. В итоге оставшуюся часть дня девушки потратили на то, чтобы под руководством Варвары составить меню на ближайшие две недели, закупить большую часть необходимых продуктов, да еще и в небольшом, по-видимому, оставшемся еще с советских времен хозяйственном магазине купить большую кастрюлю, глубокую сковороду, чайник и прочие необходимые в хозяйстве мелочи типа половника или разделочной доски.

Готовить стали по утрам – по инициативе Женьки, привычной, благодаря ежедневным утренним пробежкам, к ранним подъемам, – что оказалось весьма удобным по двум причинам. Во-первых, в пять утра практически не было желающих что-то готовить и можно было спокойно, к примеру, варить на одной конфорке бульон, на второй – делать за жарку для супа, да еще и третью можно было занимать, чтоб сварить для всех овсяную кашу на завтрак. Овсянка на смеси молока и воды, чередующаяся с овсянкой только на воде, с добавлением варенья, которое по несколько банок привезли с собой все девушки, была самым бюджетным завтраком, который они смогли придумать. Во-вторых, девушки оканчивали учиться в разное время, кто-то сразу ехал домой, а кому-то нужно было зайти в библиотеку, но при этом каждую в общаге ждал обед или, скорее, так как возвращались они часто после пяти, ужин. Но через пару недель подобного питания взбунтовалась Женька. Молодой организм, совмещающий умственные нагрузки с физическими, требовал больше энергии.

Я не привыкла есть так редко, – растерянно и даже как-то умоляюще смотрела она на своих соседок, – нет, ну правда, так нельзя, надо что-то брать с собой, иначе мы или не доживем до конца учебы, или как минимум язву заработаем.

– А что ты предлагаешь? – спросила Лиля, которая, привыкнув в старших классах часами сидеть в библиотеке без еды, сильно не страдала от отсутствия дневного приема пищи. – Бутерброды или фрукты дорого, не будем же мы кашу или овощное рагу с собой брать, холодное будет, да и есть негде, неудобно.

И все, словно по команде, повернулись к их главному генератору идей – Вареньке.

– А постоять у плиты еще пару часов в выходной согласны? – отозвалась на вопрошающие взгляды девушка.

Все согласно кивнули.

Ну, тогда – вперед в магазин за мукой! – голосом сурового генерала скомандовала Варвара и, рассмеявшись, пояснила: – Блины будем печь.

– Но тогда, наверное, молоко нужно и яйца? – робко уточнила Лиза.

– Не нужно, – успокоила Варвара, – я один рецепт знаю, там ни молока, ни яиц не надо, только мука, вода, сода и соль, можно даже без сахара, если начинка несладкая. А вот соды нужно купить и для начинки еще кое-что.

Варвара стремительно вышла из комнаты в прихожую, где стоял холодильник, заглянула в него и, оценив имеющиеся запасы, вернулась в комнату и взялась за бумагу и ручку. Меньше чем через час работа закипела. Вначале, подсчитав минимальное количество блинов, которое предстояло испечь и нафаршировать, девушки ужаснулись, и даже Женька, которая вначале больше всех обрадовалась этой затее, хотела дать задний ход. Даже всего лишь по два блинчика в день на человека, умноженные на пять дней, давали уже пятьдесят штук.

– Да разве ж это много? – удивилась Варвара.

Все не менее удивленно в ответ посмотрели на нее.

– А тебе хотя бы раз приходилось печь такое количество? – наконец выдавила из себя Лиля.

– Конечно, а если на Масленицу, то и в разы больше. Семья у нас большая, – рассмеявшись, пояснила Варенька. – Родители, брат старший с женой и детьми, бабушка с бабушкой, прабабушка, ну и я. Десять человек, а на Масленицу к нам еще и гости приходят – мамина сестра с семьей, родители жены брата, иногда мамы или папы двоюродные.

– Ох, и где же вы все размещаетесь? – выдохнула Лиля, по себе зная, что даже пятерым в двушке очень тесно. Какая же у них квартира? Четырехкомнатная?

Варенька, уже деловито отмерявшая ингредиенты, пояснила, что живут они в частном доме, и если раньше было тесновато, и самой Варе, например, приходилось делить все детство комнату с братом, то когда брат женился, сделали пристройку большую, так что теперь даже две гостевые комнаты есть.

– Это родители постарались, чтоб я, когда замуж выйду, могла с семьей жить, ну или хотя бы летом в отпуск приезжать. Эх, девчонки, знаете, как хорошо у нас в городе летом! Да и весной, особенно когда вишни цветут! У нас много частных домов, и практически у всех во дворах вишни, яблони, сливы... А еще в нашем городе очень много берез! Красота! – Варвара даже на секунду прикрыла глаза и прекратила помешивать тесто. – Есть даже версия, что словом «венева» одни из первых поселенцев здешних мест называли березу. Мне эта версия кажется менее правдоподобной, чем другие, но зато как красиво... – задумчиво проговорила Варенька, снова вернувшись к тесту.

Несмотря на пугающий своей обширностью фронт работ, уже через два часа блины были испечены, да не минимум, который изначально планировался, а почти сотня: выручили наличие двух сковородок и отсутствие других претендентов на плиту. Для начинки же девушки обжарили несколько головок лука, часть которого смешали с картофельным пюре, а часть – с вареным рисом и рублеными яйцами.

– А еще с тушеной капустой можно делать или с гречкой, или с яблоками, хотя это уже подороже будет, – с воодушевлением вещала Варенька, когда все наконец-то наелись блинов как с начинками, так и без начинки – с вареньем.

Студенческий быт налачился, и Лиля, Варя, Лиза, Катя и Женька все вечера упорно сидели над конспектами и учебниками, чтобы не только не вылететь из университета, но и зарабатывать стипендию. Все девушки были из не слишком обеспеченных семей и рассчитывать на поддержку родителей не могли. Подрабатывать же с первого семестра, обучаясь на технической специальности, когда только от одних математических формул голова идет кругом, было чревато отчислением. Одна только Женька, умудрявшаяся высыпаться за четыре-пять часов и при этом не только выглядеть, но и чувствовать себя бодрой и отдохнувшей, уже к началу октября устроилась по вечерам инструктором в спортивный клуб. Остальные девчонки планировали дотянуть до сессии, а после нее попробовать устроиться в «Макдональдс» по вечерам или на выходные.

Первые два месяца Лиля общалась с родителями совсем мало, звонки были дороги, а уж о том, чтобы съездить домой на выходные, и речи не шло, и дело было не только в ценах на билеты: съездить туда и обратно, с учетом того, что по субботам в первой половине дня были занятия в универе, было, конечно, можно, но вот побыть дома получилось бы разве что ночь и еще несколько часов в воскресенье. Будучи же девочкой домашней, никогда и никуда не уезжавшей без родителей, Лиля сильно скучала и по ним, и по своим неугомонным братишкам.

В начале ноября возможность съездить домой появилась. В этом году впервые праздновался День народного единства, пришедшийся на пятницу, а это означало, что благодаря переносу субботних занятий на воскресенье появлялся дополнительный выходной. Лиза и Варя тоже засобирались домой, Кате ближайшая поездка домой светила не раньше, чем в летние каникулы, а у Женьки, несмотря на выходные, был, как обычно, рабочий день, точнее – рабочий вечер. Купив заранее Мишке и Илюшке в подарок книжку с их любимыми сказками, напечатанную очень крупным шрифтом и хорошо проиллюстрированную, Лиля прямо из университета отправилась на автостанцию. Мерный ход автобуса вскоре убаюкал уставшую девушку, и она быстро заснула, проснувшись лишь при въезде в родной город. Родители и братья уже ждали ее. Пока автобус парковался, Лиля видела, как ее братишки подпрыгивают, пытаясь разглядеть ее внутри. Лиля, не в силах сдерживать нахлынувшие эмоции, помахала им рукой, понимая, что ее вряд ли заметят. Но вдруг Илюшка перестал прыгать, поднял ручку в синих с желтыми полосками перчатках – Лилином подарке на прошлый Новый год, – показывая в сторону автобуса, и что-то, судя по улыбке до ушей, радостно кричал. «Неужели заметил?», – удивилась Лиля, и, едва автобус остановился, не надев шапку и не застегнув куртку, вскочила со своего места, чтобы быть в числе первых среди выходящих из автобуса. Лиля, не склонная, как ей самой всегда казалось, к телячьим нежностям, бегом промчалась те пару десятков мет-

ров, которые отделяли ее от семьи. Обняв маму и чмокнув в колючую щеку отца, она подхватила на руки сначала одного, а затем и второго брата, глаза ее были на мокром месте, и, чтобы этого не заметили, Лиля наклонилась, делая вид, что проверяет застежку сапожек.

Вечером после ужина, когда братья немножко утомонились и перестали поминутно виснуть на старшей сестре, они перебрались на кресло с подаренной книжкой, рассматривая картинку и пытаясь по слогам что-то прочесть. И это у них получалось! «А ведь всего два месяца назад Мишка едва складывал буквы в слоги, а Илюшка даже не знал всех букв!» – подумала Лиля, исподволь наблюдая за братьями. Лиля рассказывала родителям про учебу в университете, про своих соседок по общежитию и одногруппников, успокаивала маму, рассказывая ей про успешно устроившийся быт, и папу – повествуя об успешном изучении предметов. Но, несмотря на более чем трехчасовой сон в автобусе, уже через час Лиля стала клевать носом, и мама, заметив это, дала команду сыновьям переодеваться и готовиться ко сну.

Во сне же Лиля почему-то видела город, о котором знала лишь из рассказов Вареньки, – город Венёв, о котором та рассказывала с таким воодушевлением. И Лиле вдруг стало обидно, что она, восемнадцать лет прожившая в Ростове Великом, не так уж и много знает о своем городе. Братья еще спали, и она тихонько, чтобы не разбудить их, прокралась к большому книжному шкафу, чтобы взять книгу по истории города. Так же тихо, теперь уже чтобы не разбудить родителей, она пробралась с найденной книгой на кухню, прикрыла дверь и, вскипятив чайник и сделав бутерброд, примостилась за кухонным столом. Некоторое время она так и сидела, погрузившись в чтение, потом, резко встав, закинула в рот последний кусочек бутерброда, запила остатками чая и направилась в прихожую. Надела куртку, снова вернулась на кухню и, найдя на привычном месте на подоконнике стопку листочков и ручку, написала записку родителям. Вернувшись в прихожую, надев шапку и взяв перчатки, Лиля вышла на лестничную клетку и, тихонько заперев за собой дверь, вприпрыжку, как в детстве, побежала по лестнице. Почти пробежав около километра до центра города, она наконец остановилась, чтобы теперь уже спокойно пройти мимо здания администрации к центральной библиотеке, где провела немало времени, затем вернулась обратно, чтобы прогуляться еще немного, до озера Неро, но, не удержавшись, зашла в парк, с которым было тоже связано много теплых детских воспоминаний. Побродив по парковым аллеям, Лиля наконец оказалась на берегу этого величавого и красивейшего даже в сейчас, в ноябре, озера, на берегу которого они с родителями, а потом и с братишками частенько отдыхали летним днем, специально возвращаясь в воскресенье с дачи пораньше. Следующим пунктом ее маршрута был Кремль, который она обошла лишь снаружи по периметру. Было еще слишком рано, и Кремль был закрыт. Любуясь декоративными бойницами и зубцами стены (как же раньше она могла этого не замечать!), Лиля вдруг захотела показать всю эту красоту своим соседкам по общежитию. Да и не только эту. Ведь в их городе и еще много чего есть! Один Спасо-Яковлевский монастырь с его храмами чего стоит! Красивейшая, построенная в стиле ампира и немного напоминающая здание театра церковь Дмитрия Ростовского, часто называемая Шереметьевской, так как построена она была в 1801 году на деньги графа Шереметьева. И главная достопримечательность монастыря – величественный Зачатьевский собор с пристроенной вплотную к нему Яковлевской церковью. А музей финифти! Да и много еще такого, чего нет в других городах, а живя много лет рядом, привыкаешь и проходишь мимо, не задумываясь ни о красоте, ни об исторической значимости. Размышляя об этом, Лиля повернула назад к дому, только сейчас почувствовав, что, несмотря на довольно быструю ходьбу, успела замерзнуть.

После завтрака Лиля, взяв с собой братьев, отправилась навестить бабушку с дедом, которые жили минутах в пятнадцати ходьбы от родительского дома. В детстве Лиля не пропадала, как многие ее подружки, дома у бабушки с дедом, но от этого любила их несколько не меньше. Бабушка и дедушка у Лили были еще не старые – в этом году оба отпраздновали шестидесятилетний юбилей, очень увлеченные своей работой и пока что даже не задумывающиеся

о выходе на пенсию. Бабушка Лили, Елизавета Егоровна, всю жизнь проработала педагогом дополнительного образования, с энтузиазмом ведя сразу по несколько рукодельных кружков; дедушка, не меньше своей супруги увлеченный работой, был экскурсоводом в местном краеведческом музее. Лиля еще раз мысленно пожурела себя: «Ну как можно, имея такого деда, так мало знать о родном городе?» Знания свои Лили преуменьшала, в сравнении с большинством ее ровесниц знала она не меньше, а наоборот, больше многих, да и напряженная подготовка к поступлению в университет почти не давала свободного времени, но сейчас ей все равно было немного стыдно. И как только Мишка и Илюшка унеслись в другую комнату, сопровождаемые бабушкой, Лилия, отчего-то смущаясь, попросила деда посоветовать ей какую-нибудь литературу по краеведению. Дед, лукаво улыбнувшись, достал из книжного шкафа небольшую, карманного формата, книжицу и со словами: «Для начала, надеюсь, подойдет», – протянул внучке. «Ростов Великий. Путеводитель. Загорский Аркадий Ильич», – прочитала Лилия и удивленно подняла глаза на деда:

– Дед, но когда же ты... И почему ничего не говорил? – Лилия глядела вопрошающе, а глаза деда лучились весельем.

– Да только весной издали. – Аркадий Ильич улыбнулся, пожимая плечами. – Ты ж к экзаменам готовилась, потом сдавала, не до того было.

Лилия со смешанным чувством стыда, нежности и гордости кинулась к деду на шею:

– Дед, ты прости, что я со своей учебой вас с бабушкой совсем забыла, – прошептала она.

– Хватит тут сырость разводить, – притворно грозно проворчал Аркадий Ильич, – учиться хоть нравится?

Лилия кивнула.

– Значит, не зря трудилась. А этому, – дед кивнул на книжку, – свое время, не спеши. Я всегда знал, что ты в меня пошла, даже когда ты кукол своих обшивала и все шутили, что быть тебе модельером, и когда олимпиады по математике выигрывала, и когда профессию, далекую от истории, выбрала, тоже знал. Ты слушаешь по-другому, а уж я это за столько-то лет работы отличать умею, поверь мне. Вот так-то. А теперь пойдем на кухню, а то мелкие нам пирогов не оставят.

Лилия пробыла у бабушки с дедом еще около часа и засобиравшись домой: уже меньше чем через три часа был автобус обратно в Москву. На обратном пути братья шли спокойно и не требовали напряженного присмотра, боясь выронить или сломать очередные поделки – машинки, склеенные из спичечных коробков и картона, и Лилия погрузилась в собственные мысли. Она вспоминала, что в детстве, так же как сейчас ее братишки, уходила от бабушки и деда с какой-то поделкой, а все то время, пусть и не очень долгое, было посвящено ей. Бывая в гостях у бабушки с дедом, она не сидела часами перед телевизором, как некоторые из ее подружек, а слушала сказки или истории из жизни, которые виртуозно рассказывал ее дед. Вместе с бабушкой они делали симпатичные аппликации, которые Лилия дарила потом на праздники родителям, мастерили игрушки из подручных материалов или ставили кукольные спектакли, герои для которых, конечно же, тоже были изготовлены Лилей и бабушкой совместно. Наверное, именно поэтому, бывая у бабушки с дедом не больше одного-двух часов в неделю (обычно это происходило, когда родители субботним утром отправлялись на рынок за покупками), Лилия не чувствовала себя обделенной их вниманием, напротив – их внимания хватало еще и на то, чтобы компенсировать отсутствие бабушки и деда со стороны отца. Лилин отец был поздним ребенком, и к моменту, когда Лилия родилась, бабушки Нины уже не было в живых, а дед Слава умер через два года после ее рождения, и Лилия его почти не помнила.

Провожать ее снова отправились всей семьей, и, глядя на неподъемные сумки, которые нес ее отец, Лилия спрашивала себя, сможет ли она донести их в Москве до метро, а потом от метро до общаги. В сумках, помимо пуховика, теплого свитера и зимних сапог, было около

десяток заботливо переложенных газетами баночек варенья, две литровых банки маринованных огурчиков и, наверное, килограммов пять картошки.

В Москве, едва добравшись до общаги, Лиля, даже не разобрав сумки, рухнула на кровать. Катерины и Женьки почему-то не было, Варенька и Лиза тоже еще не вернулись из поездок домой, и Лиля, которая изрядно взмокла, пока тащила сумки, решила отправиться в душевую. Душевая, которая находилась в их общаге на первом этаже, сегодня почему-то была почти пустынная, не было ни очередей, ни толчеи, ни шума, и Лиля вначале даже испугалась, что отключили горячую воду. Но все было в порядке, и Лиля провела не меньше двадцати минут под душем, смывая с себя усталость. Подходя к дверям своего блока, Лиля заметила, что дверь приоткрыта. «Неужели закрыть забыла», – подумала Лиля, ускорила шаг, но почти в ту же секунду услышала доносящиеся из-за двери знакомые голоса – переговаривались Варенька и Лиза. Лиля облегченно вздохнула и, поправив на голове размотавшееся полотенце, вошла. Девушки разбирали сумки, и Лиля, едва поздоровавшись, тут же присоединилась к ним, выставляя привезенные запасы.

– Да как же вы все это дотащили? – почти в один голос спросили вернувшиеся, как выяснилось, из магазина Катя и Женька.

– Нет, ну я могу еще представить с сумками, вмещающими треть этого добра, Вареньку, ну, может даже Лилю, – с сомнением проговорила Женька, – но Лизу...

Лиза была самой миниатюрной из всех пятерых: рост полтора с небольшим метра, вес, достигающий отметки сорок килограммов только после обильного ужина.

– Так, может, я ничего и не привезла? – рассмеялась Лиза.

Женька с лукавой усмешкой погрозила пальчиком и показала на «фирменные» этикетки, которые делала на все банки с домашними вареньями-соленьями Лизина мама. А Лиза, улынувшись, показала на довольно вместительный туристический рюкзак, лежащий в углу, и рассказала, что с детства почти каждый год с родителями они путешествуют дикарями, с рюкзаками и палатками. Не без труда пристроив привезенные сокровища в тумбочки и шкаф, девушки решили выпить чаю. Но тут Женька подскочила со стула:

– Подождите! Чай потом! У нас для вас сюрприз! Мы приготовили позы!

Лиля, Лиза и Варенька недоуменно уставились на Женьку.

– Какие еще позы? – недовольно проговорила Варенька, застыв с электрическим чайником в руке. – Вы что, сейчас акробатические этюды собрались показывать?

– Или йогой занялись? – предположила Лиля.

Лиза тоже, по-видимому, хотела что-то предположить, но тут все услышали какие-то неестественные всхлипывающе-хрюкающие звуки. Девушки повернулись на источник звука. Это хохотала, размазывая по лицу выступившие слезы, Катя. Прерываемая после каждого слова смехом, она объяснила:

– Позы – это традиционное бурятское блюдо, а если более точно, то это русское название, бурятское название этого блюда – бууза.

Снова рассмеявшись, Катя подбежала к холодильнику и достала разделочную доску, которая была слегка посыпана мукой, а сверху лежали довольно большие, сантиметров шесть-семь, шарики из теста, по внешнему виду напоминающего пельменное, с защипами сверху.

– Так это ж манты! – воскликнула Варенька.

– Да нет, на хинкали похоже, – с сомнением пробормотала Лиза.

– Похоже, да не то же! – возразила Катя. – Хотя, конечно, все они родственны, – согласилась она; и пока позы, за неимением позницы, мантоварки или пароварки, варились на пару в двух кастрюлях, уложенные в два дуршлага, специально купленные для этого случая, Катя прочитала своим соседкам, впятером отправившимся на кухню, целую лекцию и о том, как это блюдо готовится, и как проводятся в Бурятии конкурсы, посвященные этому блюду, на одном из которых ей однажды удалось побывать, ведь от Ангарска до столицы Бурятии – Улан-Удэ –

меньше пятисот километров, добавив, что попробовать позы можно в кафе и в Ангарске, и в Иркутске, да и дома многие их лепят.

После вкусного ужина, дополненного рассказами о поездках, девушки разошлись по своим комнатам: утром снова предстояло рано вставать.

Снова плавной рекой потекли будни, девчонки, помогая другу, готовились к контрольным и делали контрольно-курсовые работы, на единственном на их две комнаты ноутбуке, принадлежащем Кате, набирали рефераты. Приближалась сессия, к которой все пятеро начали усиленно готовиться, напуганные страшилками преподавателей и старшекурсников, еще с начала декабря.

Однажды вечером к Лиле, которая в тонкостях высшей математики разбиралась едва ли не лучше всех на курсе (все-таки упорная подготовка в старших классах не прошла даром), подошла Женька, только что вернувшаяся со своей работы, с просьбой помочь одному из ее знакомых с типовыми расчетами по математике, а попросту – сделать за него эти расчеты за деньги. Перед Лилей встала непростая дилемма: с одной стороны, деньги были очень нужны, особенно в преддверии Нового года, а с другой – это было Лиле не по душе, ведь это немногим лучше, чем покупать диплом. Кто захочет лечиться у врача с дипломом, в котором половина оценок получена нечестным путем? А летать на самолете, в разработке которого принимал участие такой горе-конструктор? Своими сомнениями Лиля поделилась с Женькой. Женька пожалала плечами, а потом предложила Лиле не просто сделать за оболтуса задания, но и принудительно объяснить их решение.

– Понимаешь, Игорь не дурак, просто ему не досталось места в общежитии и приходится работать все свободное время – сочетая работу в тренажерном зале с работой в «Макдональдсе», а временами еще и с работой курьера, чтобы снимать комнату, в надежде, что после сессии появятся свободные места. Вот только сессию он может теперь сам не сдать, – огорченно вздохнула Женька и посмотрела на Лилю. Лиля тоже вздохнула, посмотрела на Женьку, которая была явно заинтересована в благополучной сдаче сессии этим молодым человеком, и согласилась, предупредив, что отдаст расчетки, только убедившись, что Игорь все объяснения понял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.